

Концепции исцеления в раннем психоанализе

Платон Михайлович Лесухин — студент-бакалавр, философский факультет, Российский государственный гуманитарный университет. 125047, Российская Федерация, г. Москва. E-mail: lesuhinplaton543@gmail.com

ORCID: 0009-0003-3679-0104

Ключевые слова: ранний психоанализ, история психоанализа, психоаналитическая клиника, истерия, Шандор Ференци, Вильгельм Райх

В статье автор анализирует концепции исцеления в работах трех психоаналитиков различного теоретического профиля — Зигмунда Фрейда, Шандора Ференци и Вильгельма Райха, — которые затрагивают вопрос исцеления преимущественно в контексте разрешения клинических проблем. Центральным предметом исследования является вопрос о том, что психоанализ способен осуществить в отношении страдания, с которым субъект не способен справиться самостоятельно? Обосновывается положение, согласно которому данный вопрос предшествует возникновению психоанализа как теоретико-клинической практики и продолжает существовать вне ее институциональных форм. В рамках сравнительного анализа рассматривается общая картина раннего фрейдовского понимания психоанализа до и на этапе его зарождения, где исцеление выступает предпосылкой для построения психоаналитической теории. Отдельное внимание уделяется поздним работам З. Фрейда, в которых осуществляется переосмысление терапевтических возможностей психоанализа и формулируется позиция, условно обозначаемая как «терапевтический реализм». Данная позиция сопоставляется с альтернативными подходами, предложенными Ш. Ференци и В. Райхом. Концепция Ш. Ференци рассматривается через понятие психоаналитической сотериологии, обусловленной критикой ограниченности клинических результатов классического анализа. Вклад Райха рассматривается как попытка радикального разрешения обозначенного конфликта, сопряженная, однако, с существенными эпистемологическими, клиническими и политическими трудностями.

Введение

В СИТУАЦИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ и институционального закрепления разнообразных терапевтических практик обращение к раннему пониманию психоаналитического исцеления приобретает особую актуальность. Для настоящей статьи определяющей является идея возможности исцеления. Под возможностью в данном случае понимается не гарантированный терапевтический результат, а структурное допущение, связанное с ожиданием и надеждой, то есть с тем изменением человеческого опыта, которое может быть обозначено как сотериологическое.

В этом контексте предпринимается попытка рассмотреть эволюцию психоаналитического учения сквозь призму проблематики исцеления, традиционно разрабатываемой в теологическом контексте — к примеру, христианстве. Такое сопоставление задает дополнительный культурно-исторический горизонт интерпретации, позволяющий проанализировать эволюцию психоаналитического учения не только в рамках его внутренней истории, но и как возможную отправную точку для формирования метакультурного языка, который условно может быть обозначен как теологический. Христианская оптика здесь не претендует на роль главенствующего типа интерпретации и используется исключительно в качестве эвристического средства для конструирования теологического способа мышления об исцелении в раннем психоанализе.

Предположение о возможности исцеления исторически предшествует возникновению психоанализа. Психоанализ стал возможен после того, как З. Фрейдом была обнаружена способность речи преобразовать калечащее несчастье в приемлемую для субъекта ситуацию: такая ситуация сохраняет значительную степень отягощенности, однако переводится в сравнительно сознательный регистр. Если принять эту исходную установку, то в условиях современной озабоченности психической целостностью и ее восстановлением, а также сохраняющейся по этому поводу концептуальной путаницы, представляется оправданным обратиться к первоначальному движению психоанализа в сторону проблемы исцеления. Именно это движение впоследствии привело к множеству расхождений и к той многоголосой затрудненности, которая сопровождает психоаналитическое мышление до настоящего времени.

Речь идет не о психотерапии в целом, а прежде всего о психоанализе, который уже на поздних этапах фрейдовской мысли начал

развиваться в различных направлениях проблематизации несчастья и способов его преодоления. В результате психоанализ все в большей степени стал представлять собой не единое учение, а совокупность различных психоаналитических подходов и школ. Философская мысль, стремясь прояснить условия возможности того или иного явления, традиционно обращается к первейшей причине, из которой проистекает пучок замысловатых следствий, разобрать которые по отдельности не представляется возможным. Во многих случаях реконструкция такого «начала» оказывается затруднительной в силу его хронологической и/или эпистемологической отдаленности. Однако в случае психоанализа ситуация иная: его возникновение поддается достаточно точной периодизации, а обширный корпус источников — прежде всего тексты Фрейда и других представителей ранней психоаналитической традиции — позволяет рассматривать подобную реконструкцию как методологически оправданную и продуктивную.

На первый взгляд может показаться, что у психоанализа есть только один отец, успешно исполняющий главную роль причины его возникновения. Однако постановка вопроса о начале психоанализа не может ограничиваться лишь одной фигурой З. Фрейда, поскольку само фрейдовское наследие не является целостным и внутренне непротиворечивым и, следовательно, допускает множество интерпретаций. Неясно, сколько «Фрейдов» может быть обнаружено при внимательной реконструкции, однако уже на начальном этапе различимы по меньшей мере два. Первый из них движим искренней верой в разворачивающееся предприятие мысли, рискованное для медицины своего времени. Второй склонен рассматривать как трагичную по своей сути не только историю всякого влечения, но и логику развития самого психоанализа, сосредоточенного на их исследовании.

На позднем этапе З. Фрейд формулирует сдержанный, по существу неутешительный ответ относительно способности психоанализа исцелять. Его позицию, которую в дальнейшем можно обозначить как «терапевтический реализм», оспаривают два психоаналитика, занявшие иные теоретические позиции. Шандор Ференци связывает возможность психоаналитического исцеления со столкновением одной чувствительности с другой и делает ставку на терапевтический потенциал взаимности. Вильгельм Райх, в свою очередь, обращается к возможности более радикального и многопланового преобразования, которое З. Фрейд, в силу своей просвещенческой и позитивистской установки, не мог принимать в расчет. Райх допускает смелую возможность преобразования, по своему масштабу сопоставимого с действием благодати.

Таким образом, цель настоящего исследования состоит в том, чтобы посредством исторического компаративного анализа различных подходов к понятию исцеления в психоанализе выявить некоторую определенную закономерность в его развитии. Выявление этой логики позволяет, в свою очередь, не ограничиваться реконструкцией истории становления психоанализа, но рассматривать описываемый ход его развития как этап и пример применения теологической перспективы мышления. В этом смысле работа относится к кругу исследований по интеллектуальной истории, однако одновременно носит и эпистемологический характер.

Из поставленной цели вытекает ряд конкретных задач, подлежащих решению в ходе исследования. Во-первых, необходимо прояснить основания постановки вопроса об исцелении в психоанализе — то есть реконструировать исходную установку позднего фрейдовского понимания психоанализа, задающую рамку для дальнейшего развития психоаналитического мышления. Во-вторых, предполагается последовательное рассмотрение трех подходов к проблематике исцеления — в работах З. Фрейда, Ш. Ференци и В. Райха. Их сопоставительный анализ позволит обнаружить закономерность в развитии психоанализа. При этом проблема исцеления рассматривается в двух взаимосвязанных аспектах: с одной стороны, в отношении его возможности внутри клинической работы, с другой — в отношении наиболее оптимального и продуктивного способа его теоретического предположения.

Далее мы обратимся к исходной установке, которая была сформулирована З. Фрейдом, и реконструируем ее таким образом, чтобы стало ясным последующее — сдержанное и во многом неутешительное — переопределение возможности психоаналитического исцеления в поздних работах. Это переопределение не только является структурным дополнением к первоначальной установке: он пересматривает ее статус и фактически замещает ее после концептуальной переработки. З. Фрейд устраняет исходную причину, породившую психоанализ, и выдвигает новую, хотя и родственную, причину, порождающую иной способ построения терапевтической практики.

В конфликт с этой поздней ревизией вступают интерпретации ряда его коллег, которые пытаются разрешить кризис терапевтической состоятельности психоаналитического метода при выполнении его основного назначения. Эти интерпретации не ограничиваются корректировкой отдельных положений и видоизменяют причину возникновения психоанализа, тем самым намечая принципиально иные

траектории его развития. Соответственно, первый шаг в данном анализе состоит в выявлении причины, второй — в рассмотрении комплекса ее трансформаций. Зачастую говорить об эволюционном развитии психоанализа не вполне уместно. В момент кристаллизации того или иного основания, задающего его терапевтическую рациональность, психоанализ оказывается во многом определенным в своих существенных чертах. Вместе с тем судьба психоанализа при этой неявной завершенности не является предрешенной.

Таким образом, сначала предлагается реконструировать исходную установку, а затем — три способа ее переосмысления. В определенной степени именно этим переосмыслениям впоследствии будут следовать как различные направления внутри самого психоанализа, так и иные психотерапевтические практики, в чьи конфигурации со временем оказывается включен и психоанализ. При этом психоанализ не утрачивает собственного сотериологического горизонта — ориентации на спасительность/исцеление, — поскольку именно он продолжает, пусть и неявно, организовывать логику трансформаций его эпистемологических предпосылок и критериев терапевтической значимости.

Появление психоанализа из гипотезы исцеления

Не вполне ясно, по каким причинам возникла «эпидемия истерии» (далее — эпидемия истерии), на разрешение которой первоначально был ориентирован психоанализ. В качестве возможного объяснения этого феномена нередко рассматривают динамику процессов вытеснения — если следовать позднейшей психоаналитической теории, со временем оформившейся в антропологическую, социологическую и квази-метафизическую систему¹. В нашем мышлении эпидемия истерии настолько тесно связана с моментом возникновения психоанализа, что сегодня она практически не мыслится вне психоаналитической оптики. Само по себе это обстоятельство не является проблемой: психоаналитическая эпистемология во многом претендует на завершенность и внутреннюю согласованность в отношении собственного объекта.

Тем не менее при разборе самого психоанализа невозможно ограничиться исключительно его собственной теоретической рамкой: он предполагает определенную дистанцию по отношению к базовым

¹ Анзье Д. Самоанализ Фрейда. — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2022. — 637 с. — ISBN 978-5731209915.

допущениям. В то же время применение к психоанализу внешней, конкурирующей эпистемологии означало бы его подчинение или вытеснение иным научным дискурсом, зачастую настроенным по отношению к нему враждебно. В результате методологическое положение настоящего исследования носит двойственный характер: с одной стороны, оно не предполагает полной солидаризации с психоаналитическим знанием, с другой — не допускает радикального от него отстранения в пользу заведомо внешнего языка описания. Данную позицию можно определить как форму психоаналитического мышления, критически обращенного к собственным основаниям и желающего прояснить те моменты неполноты, которые одновременно выступают его скрытым основанием.

Возвращаясь от методологических оговорок к ситуации, послужившей для психоанализа исходным поводом и клиническим материалом, следует отметить, что феномен массовой диагностики истерии был широко распространен в Европе конца XIX века. При этом полный ареал ее распространения остается не вполне ясным, поскольку наибольшее распространение она получила в регионах с относительно развитой медицинской практикой и со специфическими формами вытеснения сексуальной активности, обозначаемыми понятием «викторианской морали». Строгое вытеснение сексуального (и сильнее всего — коитального) имело место и в иных регионах и в другие исторические периоды, однако специфический истерический невроз проявился именно в данный период и именно в европейском контексте. Психоаналитическое объяснение этого факта оказывается недостаточным, по крайней мере в его сложившемся виде; его прояснение требует обращения к более общей истории вытеснения и к анализу социально-культурных условий его конкретных форм.

Истерический невроз того времени выражался в определенных клинических формах. Как правило, речь шла о молодых людях, чаще — о женщинах, которые после значимого травматического события или вследствие отсутствия искомого благоприятного события, например вступления в брак, начинали испытывать телесные страдания, не поддающиеся рациональному объяснению. К таким страданиям относились хронические боли, параличи, невротическая слепота или глухота. Наряду с этим возникали симптомы, которые сегодня могли бы быть отнесены к психотическим: галлюцинации, погружение в сон наяву, эротический бред и иные формы расстройства восприятия. В качестве показательного примера З. Фрейд приводит случай, описанный им в первой главе работы «Психопатологии обыденной

жизни»² — о пациенте который совершил самоубийство на почве неизлечимого сексуального недуга.

По степени выраженности симптоматики истерия того периода сегодня скорее была бы отнесена к классу заболеваний психотического характера, однако в конце XIX века она квалифицировалась как невротическое заболевание. Неврозы, какими бы тяжелыми они не были, в то время не относились к традиционной вотчине психиатрии и одновременно не признавались соматической медициной в качестве полноценных заболеваний. Этот пограничный статус открыл пространство для клинических инноваций. Пусть их источник и был прежде всего медицинским, исследователь получал немалую свободу в солидаризации с объектом своего познания. Инновационность психоанализа в значительной мере вырастает из беспомощности медицины перед лицом непривычной для нее клинической конфигурации. Будущий психоаналитик не имел между собой и анализируемым той дистанции, которую обычно задает медицинская методология. Метод, как правило, выполняет функцию разъединения субъекта познания и его объекта; однако в тех случаях, когда в методе обнаруживаются пробелы или он оказывается неработоспособным, возникает необходимость в инновации. Такая инновация формируется не столько усилиями исследователя, сколько под влиянием самого объекта исследования.

Истерия заключала в своей симптоматике ту истину, которая не могла быть проговорена изнутри самого истерического опыта. Вместе с тем врач оказывался способен перевести это неартикулируемое содержание в пространство рациональной реконструкции и тем самым сделать «истину истерии» доступной для обсуждения и интерпретации. В этой операции перевода — от симптома к смыслу, от телесного выражения к артикуляции — и заключался ранний психоанализ.

Чем был ранний психоанализ и каким образом он осуществлялся на практике? Прежде всего следует отметить, что ранняя психоаналитическая традиция, сформировавшаяся благодаря совместной работе Брейера и З. Фрейда, представляла собой не завершенную систему, а совокупность взаимосвязанных гипотез. Эти гипотезы были направлены на решение вполне конкретной задачи: на терапевтическую работу с симптомами, переживаемыми субъектом, который не располагает ясным знанием о происхождении собственного страдания, но тем не менее испытывает его — в «скрытых» слоях психической

² Фрейд З. Психопатология обыденной жизни // З. Фрейд. Собр. соч. в 26 т. Т. 8. — СПб.: ВЕИП, 2018. — 368 с. — ISBN 978-5-91681-032-5, С. 25 - 32.

жизни и на уровне тела. Именно в тело оказывалось конвертировано психическое страдание, доступное последующему прояснению посредством психоаналитического метода.

Еще до оформления собственно психоаналитического метода в работах З. Фрейда Йозеф Брейер работал с женщиной, которую в своем тексте, посвященном процессу лечения, обозначил псевдонимом «Анна О.»³. В чем заключался этот процесс лечения?

Брейер проводил с молодой пациенткой значительно количество времени, выслушивая ее рассказы, прямо и косвенно связанные с переживаемым страданием. Проводимые им сеансы не имели четкого временного ограничения и не редко могли продолжаться куда больше часа. Не предполагалась и их строгая фиксация, поскольку Анна О. нуждалась прежде всего в присутствии врача и в возможности говорить. Симптоматика ее была тривиальна: парез конечностей, галлюцинации и бред, утрата способности говорить на родном языке, хронические боли, купируемые лишь с помощью болеутоляющих препаратов.

Именно Анна О. предложила два примечательных обозначения для еще не оформленной практики: «прочистка дымохода» и «лечение речью». В этом отношении мышление пациентки опережало врачебную концептуализацию, что сам Брейер впоследствии зафиксировал, назвав сложившийся в ходе лечения метод патетическим выражением «катарсическая техника». В процессе общения пациентка вспоминала те события, после которых появлялись те или иные симптомы, и вслед за воспоминанием значительная их часть исчезала. Наблюдаемый клинический эффект производил на врачей сильное впечатление и становился основанием для дальнейшей теоретической разработки метода.

Вместе с тем Брейер сохранял осторожность в своих концептуализациях. Он не предполагал, что воспоминания вытесняются в особую область психики, откуда впоследствии могут быть извлечены. Иными словами, в его модели отсутствовал концепт бессознательно, а потому оставался недостаточно прояснением механизм вытеснения как удаления из сознания содержания, переживаемого как непереносимое.

Кроме того, достигнутый в ходе работы Анны О. и Брейера терапевтический результат трудно считать окончательным. Облегчение состояния, несомненно, имело место, однако оно не сопровождалось

³ Фрейд З. Исследование истерии // З. Фрейд. Собр. соч. в 26 т. Т. 1. — СПб.: ВЕИП, 2005. — 454 с. — ISBN 5-88787-024-9.

переходом к активной жизни, исполненной любви и работы. Лечение могло бы быть продолжено, однако возникло явление, которое позднее стало определяться как перенос, то есть приписывание одному объекту (как правило, аналитику) некоторых свойств, относящихся к иному объекту, вообразаемому или имевшему место в прошлом.

В описаниях данного случая отмечается, что Анна О. стала считать себя беременной от Брейера, и лечение было прервано вследствие эротического переноса (то, что в контексте морали и клинических представлений того времени могло восприниматься как скандальное и недопустимое осложнение лечения, в дальнейшем будет переосмыслено психоанализом как закономерный риск и одновременно как структурный эффект речевой терапии). После завершения лечения Анна О. продолжила сталкиваться с невротическими затруднениями на протяжении некоторого времени. Впоследствии она стала жить активной политической жизнью, и тем не менее в своих текстах отмечала, что романтическая любовь так и не стала частью ее жизненного опыта.

Позднее З. Фрейд и Й. Брейер совместно обсуждали этиологию истерии и даже опубликовали книгу, посвященную зарождающемуся и многообещающему методу лечения. З. Фрейд имел неврологический бэкграунд и под влиянием Шарко начал практиковать гипноз. Однако в клинической практике эффект гипнотического воздействия нередко оказывался менее устойчивым, чем результаты, достигаемые посредством приемов, которые исследователь самоанализа Фрейда Дидье Анзье обозначил как «вынужденные ассоциации». Подобно тому как Брейер работал с Анной О., З. Фрейд выслушивал пациентов и настойчиво требовал восстановить в памяти событие, с которым могло быть связано возникновение симптома. Периодически он также прибегал к физическому жесту и надавливал пациентам на голову пальцами, стремясь сымитировать медицинское вмешательство и и тем самым подкрепить доверие к предъявляемому требованию. Впоследствии сформировалось основное правило психоанализа, согласно которому пациенту предлагается озвучить все, что приходит ему в голову. Так возникла техника свободных ассоциаций.

Вместе с тем нетрудно заметить, что если психика мыслится Фрейдом как детерминированная собственными закономерностями, то «свободные» ассоциации оказываются свободными лишь в ограниченном смысле. Следовательно, они с высокой вероятностью ведут к вполне определенному результату — возвращению вытесненного содержания.

Самоанализ З. Фрейда, осуществлявшийся частично в переписке с его другом В. Флиссом⁴, частично в дневниковых записях, частично — посредством внутреннего монолога, становится своего рода лабораторией, в которой психоанализ приобретает методологическую оформленность. Эта оформленность отчетливо прослеживается в трех трудах, положивших основание психоаналитической эпистемологии: «Толкование сновидений»⁵, «Психопатология обыденной жизни»⁶, «Острота и ее отношение к бессознательному»⁷. Их последовательная публикация и внутренняя композиция формируют рамку, позволяющую не только интерпретировать клинические симптомы, но и распространять аналитическую процедуру на широкий круг феноменов — прежде всего на познание сущего в его затруднительности, которое становится доступным благодаря прояснению и техническому овладению.

Психоанализ представляет собой показательную часть новоевропейской научной традиции, ориентированной на рациональное овладение затруднительностью душевной жизни посредством зрелого пользования разумом и принятия ответственности за претерпеваемое. Он работает с потаенным и тем самым вводит его в прояснение⁸. Психоанализ не избавляет человека от страдания, но делает страдание доступным сознанию: вводит в речь, делает распознаваемым и, в определенном смысле, «своим» для самого носителя этого страдания.

Что именно было избрано в трех основополагающих текстах в качестве потаенного, требующего выведения на свет? Такими опорными точками стали сновидения, парапраксис (ошибочные действия) и шутки (или, если точнее, остроты).

В ранней модели психоанализа сновидение понимается как исполнение желания, не реализованного субъектом в состоянии бодрствования. Исходная предпосылка состоит в том, что психическая

⁴ Алейников С. В. Письма Зигмунда Фрейда Вильгельму Флиссу // Проект «Весь Фрейд» [Электронный ресурс]. — URL: https://freudproject.ru/?page_id=8768 (Дата обращения: 13.10.2025).

⁵ Фрейд З. Толкование сновидений // З. Фрейд. Собр. соч. в 26 т. — Т. 24–25. — СПб.: ВЕИП, 2023. — С. 185–805. — ISBN 978-5-91681-032-5.

⁶ Фрейд З. Психопатология обыденной жизни // З. Фрейд. Собр. соч. в 26 т. — Т. 8. — СПб.: ВЕИП, 2018. — 368 с. — ISBN 978-5-91681-032-5.

⁷ Фрейд З. Острота и ее отношение к бессознательному // З. Фрейд. Собр. соч. в 26 т. — Т. 9. — СПб.: ВЕИП, 2018. — 368 с. — ISBN 978-5-91681-032-5.

⁸ См.: Фрейд З. Я и Оно // З. Фрейд. Собр. соч. в 26 т. — Т. 13–14. — СПб.: ВЕИП, 2020. — С. 255–301. — ISBN 978-5-91681-032-5.

жизнь насыщена потаенными желаниями: неудовлетворенными в случае истерического невроза и невозможными в случае обсессивного невроза. Из этого следует, что всегда обнаруживается материал, подлежащий анализу, однако именно сновидения занимают привилегированное положение и рассматриваются как «царская дорога к бессознательному». Парапраксис лишь намекает на скрытое, а анализ острот позволяет выстроить лишь одну из ступеней лестницы интерпретации. Проинтерпретированное сновидение образует своего рода каркас этой лестницы, уже снабженной частью ступеней. К бессознательному невозможно подобраться окончательно иди закрепитесь в непосредственной близости от него: оно познается лишь опосредованно, через предсознательное. Объектами предсознательного как раз и выступают сновидения, остроты и ошибочные действия. Понятие предсознательного, в свою очередь, представляет собой вспомогательную конструкцию, выполняющую в концептуальном строении ранней психоаналитической науки функцию связки между двумя фундаментальными категориями, без которых психоаналитическая наука непредставима.

Принципиальное значение имеет следующее обстоятельство. В процессе написания и публикации трех указанных трудов, положивших начало психоанализу, сформировался устойчивый сеттинг проведения психоаналитического сеанса. Два человека встречаются в одном пространстве: первый (анализант) предьявляет второму (аналитику) денежное вознаграждение, второй — субъект, положительно обладающий знанием, предоставляет возможность интерпретации, направленной на выявление бессознательного содержания речи, обильно поставляемой субъектом. Психоаналитическая эпистемология разбивается о полноту речи субъекта, но каждый раз собирается заново и обнаруживает, что признание существования бессознательного и механики вытеснения — это не бесплодная спекуляция, а рабочий механизм разрешения страдания, лишенного внятной причины.

Следующее замечание не относится напрямую к основной теме исследования, но представляется крайне существенным. Понятие бессознательного не заимствовано напрямую из теологического словаря, и, тем не менее, оказывается синонимичным ряду понятий европейской теологической традиции — прежде всего в силу апофатического характера его познания. Бессознательное — это то, что не поддается речи, подобно Богу у псевдо-Дионисия Ареопагита, который мыслится как ничто из данного в чувственном опыте и ничто

из умопостигаемого. Бессознательное, подобно Богу, не обладает определенным онтологическим статусом, то есть не присутствует и не отсутствует⁹. Этот вопрос требует отдельного рассмотрения, если в рамках археологии знания мы попытаемся понять, каким образом понятие теологического рода оказалось включено в научный дискурс, претендующий на позитивность и на равноправное положение среди классических новоевропейских наук.

Рассмотрев ситуацию возникновения психоаналитического мышления и выполняемую им задачу, следует поставить вопрос о проблематизации того, что именно психоанализ осуществляет в отношении события, инициирующего истерический невроз. Как было отмечено ранее, невроз имеет своим истоком не только деформированное становление субъекта, но и событие, оказывающее трансформирующее воздействие на весь его опыт. Такое событие может не иметь очевидной фактичности, однако в процессе анализа оно становится различимым и явным.

З. Фрейд в своих работах, как будет показано далее, стремится решить указанную проблему в рамках уже существующей методологической парадигмы.

Фрейдовское разрешение терапевтического противоречия

Психоанализ изначально основан на предположении о возможности исцеления посредством речи. Его теоретическое измерение, равно как и наименование, возникло из серии клинических опытов, которые могут быть названы успешными лишь с определенными оговорками. Существенным здесь оказывается не столько достигнутый результат, сколько сохраняемая надежда на преодоление страдания в ходе аналитической работы.

Действительно, если обратиться к наиболее известным клиническим случаям З. Фрейда (таким, как «Человек-волк»¹⁰, «Человек-крыса»¹¹, «Дора»¹²), их едва ли можно представить в качестве

⁹ См.: Дионисий Ареопагит. О мистическом богословии // Дионисий Ареопагит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника. — СПб.: Алетейя; Издательство Олега Абышко, 2002. — С. 737–765. — ISBN 5-89329-522-6.

¹⁰ См.: Фрейд З. Из истории одного детского невроза // З. Фрейд. Собр. соч. в 26 т. — Т. 4. — СПб.: ВЕИП, 2007. — С. 97–214. — ISBN 5-88787-024-9.

¹¹ Фрейд З. Заметки об одном случае невроза навязчивого состояния // З. Фрейд. Собр. соч. в 26 т. — Т. 4. — СПб.: ВЕИП, 2007. — С. 17–96. — ISBN 5-88787-024-9.

образцовых примеров «исцеления». Тем не менее именно этот во многих отношениях показательный материал становится опорой для ранней психоаналитической теории. Здесь обнаруживается примечательный момент, позволяющий охарактеризовать специфику психоаналитического мышления: в аналитической работе осуществляется поиск не фантазматической «нормальной жизни», а той трансверсальной либидинальной жизни, которая всегда находится вблизи субъекта и не подлежит простому отказу или устранению.

Анализ в этом контексте представляет собой приобретение знания о собственном желании — прежде всего о том его компоненте, который не может быть обойден или «снят» терапевтическим вмешательством. Именно в силу своей неспособности «излечить» в традиционном медицинском смысле психоанализ достаточно быстро оказался чужд медицинской науке своего времени, несмотря на то, что на раннем этапе он стремился к институциональному признанию со стороны медицины.

В результате мы сталкиваемся с фундаментальным противоречием: анализ ориентирован на исцеление и вместе с тем не способен гарантированно его произвести. Нельзя сказать, что именно обхождение с этим противоречием формирует характер психоаналитической мысли, однако проработка терапевтической неочевидности психоаналитического лечения явно способна увести мысль в ту или иную сторону.

3. Фрейд предпочел не проблематизировать это различие, сосредоточившись на тех формах исцеления, которые мыслились возможными по мере развития учения о влечениях и о человеке. Он не фиксировал остроту указанного противоречия: для 3. Фрейда оно выглядело весьма закономерным в горизонте врачебной практики, которая в принципе не устраняет для пациента возможность вновь заболеть. Разумеется, 3. Фрейд систематизирует различие между соматической медициной и психоанализом, однако не находит утешительных формулировок в отношении трудностей психоаналитического лечения.

Существенное усложнение внесло появление новой для тогдашней клинической реальности формы психической болезни — военного невроза¹⁵. Его симптоматика не поддавалась непосредственному истолкованию в рамках сложившейся психоаналитической теории и потребовала значительных уточнений, затронувших, в частности,

¹² Фрейд 3. Фрагмент анализа одного случая истерии // 3. Фрейд. Собр. соч. в 26 т. — Т. 5. — СПб.: ВЕИП, 2012. — С. 143–268. — ISBN 978-5-91681-032-5.

¹³ Фрейд 3. Мы и смерть // Неврозы военного времени / 3. Фрейд, Ш. Ференци, К. Абрахам и др. — СПб.: Питер, 2024. — С. 99–117. — ISBN 978-5446121182.

и технику толкования сновидений, в отношении которой были сделаны дополнительные оговорки. В данном контексте принципиально важна не столько оценка эффективности лечения пациентов, переживших войну, с помощью преобразованного психоаналитического аппарата, сколько то, каким образом сам кризис привел к трансформации психоаналитического понимания исцеления.

В послевоенном тексте «По ту сторону принципа удовольствия»¹⁴ к сексуальному влечению З. Фрейд добавляет второе — напряжённую связанное со стремлением к смерти. В связи с этим возникает вопрос: можно ли говорить о натурализации страдания в поздней фрейдовской мысли?

С одной стороны, на этот вопрос можно ответить утвердительно. З. Фрейд рассматривает стремление к возвращению в неорганическое состояние как конститутивное влечение, существующее с эротическим. В этом смысле недовольство «живым» состоянием и влечение к смерти оказываются внутренне присущими человеческой психике. С другой стороны, смерть и возвращение всякой живой материи в неорганическое состояние мыслится как избавление от страданий. Следовательно, само страдание и невозможность справиться с ним посредством разума оказываются структурно связаны не столько с танатическим, сколько именно с эротическим: с его динамикой, конфликтностью и неизбежной фрустрацией.

Танатос, напротив, предполагает нечто освобождающее. По этой причине нельзя утверждать, что З. Фрейд нормализует страдание в психоаналитической теории посредством введения теории двух влечений. Нормализация страдания действительно имеет место, однако она связана прежде всего с рассмотрением сексуального влечения, и не только в позднейший период, но и с самого момента появления теории влечений, гипотез бессознательного и вытеснения, то есть возникновения психоанализа как такового.

Обратимся к позднему программному тексту З. Фрейда «Анализ конечный и бесконечный»¹⁵. Анализ можно пройти, однако его возможно проходить вновь и вновь, вследствие чего сама ценность понятия «полного прохождения» или «завершения» анализа существенно снижается. Анализ завершается в тот момент, когда посетитель более не желает знать, чего именно он лишается при расставании с

¹⁴ Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // З. Фрейд. Собр. соч. в 26 т. — Т. 13–14. — СПб.: ВЕИП, 2020. — С. 193–255. — ISBN 978-5-91681-032-5.

¹⁵ Фрейд З. Анализ конечный и бесконечный // З. Фрейд. Собр. соч. в 26 т. — Т. 10–11. — СПб.: ВЕИП, 2019. — С. 99–149. — ISBN 978-5-91681-032-5.

анализом. До тех пор, пока приоритет отдан знанию, а не спонтанности желания, анализ может продолжаться.

Если же субъект выбирает «желать, не зная», то даже при таком условии он может поддерживать определенный контакт с аналитической инстанцией. Анализ, таким образом, невозможно окончательно завершить, его можно лишь отложить или заморозить его до возникновения новой потребности — которая, впрочем, может и не возникнуть.

Психоанализ не исцеляет в строгом смысле слова, однако он способен вовлекать субъекта в занятие психоанализом, и это вовлечение само по себе может быть осмыслено как особая форма исцеления. В частности, обращение к анализу может становиться способом саморегуляции — при условии, что субъект уже включен в аналитический опыт и что аналитическая методология стала частью его повседневного способа мышления.

Анализ может оказаться спасительным при условии, что его методология тем или иным образом находит либидинальные точки соприкосновения с тем несчастьем, которое субъекту довелось пережить. В этом смысле терапевтический реализм можно определить как согласие оставить психоанализ в том состоянии ограниченной терапевтической определенности, которое было описано выше. Напротив, попытка сконструировать психоаналитическую сотериологию — своего рода психоаналитический утопизм — выражает нежелание жить и мыслить в согласии с этим усеченным представлением о возможностях психоанализа.

Фрейд избрал позицию терапевтического реализма. Эта позиция контрастирует с выраженной надеждой многих аналитиков на то, что психоанализ может выступать спасительным предприятием для обратившегося за помощью субъекта. Выбранная Фрейдом в послевоенные годы траектория — хотя она и не радикально расходилась с его более ранними размышлениями — привела к нарастанию разногласий внутри психоаналитического сообщества, в том числе среди его ближайшего окружения.

Полноценного раскола при жизни З. Фрейда произойти не могло, поскольку его авторитетная и во многом авторитарная фигура обеспечивала устойчивость движения, одновременно способствуя вытеснению из сообщества тех, чьи позиции оказывались несовместимыми с его теоретическим и институциональным курсом. При этом З. Фрейд активно занимался поиском преемника, поскольку на протяжении длительного времени остро переживал близость собственной смерти. Некоторое время в роли такого преемника рассматривался К. Юнг,

однако позднее его место занял Ш. Ференци, который на протяжении определенного периода находился у З. Фрейда в анализе.

Ференци не разделял предложенную Фрейдом стратегию терапевтического реализма. Это расхождение, которое будет рассмотрено в следующем разделе, привело к конфликту, наглядно высветившему как внутреннюю логику психоаналитической концепции исцеления, так и возможные направления ее дальнейшего преобразования.

Драматургия попыток исцеления Ференци

Тот факт, что психоанализ основан на предположении о возможности исцеления посредством речи¹⁶, не делает его безусловно способным на это. Неопределенность относительно того, в какой мере психоанализ действительно уменьшает страдание, закономерно ведет к расхождениям и размежеваниям внутри самого психоаналитического движения.

Продолжение фрейдовского терапевтического реализма можно усмотреть, в частности, в известной лакановской формуле о том, что психоанализ «не занимается делом лечения», то есть не принадлежит к медицинской практике в строгом смысле слова. Данный тезис, однако, не был принят большей частью французского психоаналитического сообщества того времени; они остались на фрейдовской позиции. Другой крайностью можно считать попытку мыслить психоанализ в том числе как форму попечения о теле, что нашло отражение в теоретических разработках и клинической практике П. Марти¹⁷.

В этой связи возникает вопрос: возможно ли мышление об исцелении посредством психоанализа без медикалистского уклона? Можно выдвинуть осторожную гипотезу, что частично ответ связан с принципом солидаризации с теми, в отношении кого анализ проводится, — то есть с пересмотром дистанции и асимметрии аналитического сессинга. Фрейд выстраивал вертикально организованную и опосредованную по отношению к боли пациента рамку практики, к статусу медицинской дисциплины которой психоанализ первоначально стремился. Его ученик и коллега Ш. Ференци критиковал эту позицию за ригидность и жесткость по отношению к страданию своих пациентов, одним из которых в течение какого-то времени был и он сам¹⁸.

¹⁶ Важен именно такой порядок слов, так как тут именно возможность порождает психоанализ, а человек при этом порождении агента.

¹⁷ См.: Марти П. Психоанализ и психосоматика // Французская психоаналитическая школа / Под ред. А. Жибо, А. В. Россохина. — СПб.: Питер, 2005. — С. 514–525. — ISBN 5-469-00292-6.

Ж. Лакан, в свою очередь, радикализировал суверенность аналитика, сделав временные рамки сессинга зависимыми от его решения и допускающими одномоментное прерывание. В результате анализант оказывался в максимально асимметричном положении — зависимом и лишенном контроля над процедурой. Подобное развитие выглядит закономерным, поскольку Ж. Лакан во многом продолжал траекторию З. Фрейда — траекторию отстранения и разрыва той слабой солидаризации, на которую еще сохранялась надежда в ранних психоаналитических работах¹⁹.

В чем заключалась эта надежда? Как было отмечено ранее, «истина психоанализа» — это истина истерической и обсессивной речи, переведенная рациональным субъектом в пространство знания, где она становится различимой, поддающейся интерпретации и, в определенном смысле, признанной. Без такого посредничества истерическая и обсессивная речь не могла быть услышана; в этом состоит несомненная заслуга раннего психоанализа. При этом нельзя указать на один «ключевой момент», в который тенденция к солидаризации была бы утрачена. Скорее, она изначально не являлась частью фрейдовского замысла и, более того, едва ли могла быть им помыслена в явном виде, поскольку Фрейд, при всех напряжениях собственной теории, оставался ученым и сторонником идеи «господства науки». Увидеть это обстоятельство можно лишь ретроспективно: не потому, что истерики объявляли психоанализ «украденной у них истиной», а потому, что в дальнейшем появились аналитики, выстраивающие собственное мышление по истерическому типу.

Возможность подобной рефлексии в значительной мере связана с фигурой Ш. Ференци: несмотря на статус аналитика, он продолжал оставаться анализантом, причем его непосредственным аналитиком был З. Фрейд. Тем самым Ш. Ференци прочувствовал на собственном опыте ту же тенденцию, которая выражена в текстах З. Фрейда и заключается в признании крайне относительной и до конца невыясненной способности психоанализа оказывать вспоможение.

Заслуга Ференци состоит не столько в отдельных клинических результатах, сколько в выстраиваемой им психоаналитической со-териологии — в попытке заново сформулировать смысл и пределы «исцеления» на фоне признания собственной неспособности справ-

¹⁸ См.: Ференци Ш. Травма и работа воображения. Избранные статьи. — М.: Канон+, 2023. — 320 с. — ISBN 978-5-88373-761-8.

¹⁹ См.: Лакан Ж. Семинары. Книга 1: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953–1954). — М.: Гнозис; Логос, 1998. — 432 с. — ISBN 5-7333-0477-4.

ляться с теми «безнадежными случаями», за которые он брался. Терапевтический реализм, открыто сформулированный З. Фрейдом, несомненно, являлся для Ш. Ференци данностью клинической практики. Однако, в отличие от отца-основателя психоанализа, он не мог удовлетвориться этим результатом вследствие облегченной дистанции между говорящим и слушающим.

Если вспомнить лакановский тезис о том, что «психоанализ является продолжением желания его основателя», уместно отметить драматургическую природу данного желания: нормативный, «грамотный» язык науки переписывает «безграмотную» речь симптома, превращая ее в знание. Такой внутренне противоречивый синтез закономерно порождает различные линии наследования. Ференци наследует одновременно и язык теоретической артикуляции, и опыт симптоматической речи; поэтому он мыслит из двойственной позиции — анализанта и аналитика одновременно.

Фрейд никогда не находился в личном анализе и не считал его для себя необходимым. Можно предположить, что его переписка с В. Флиссом была альтернативным вариантом анализа, однако дружеское общение не предполагает аналитического сеттинга, вследствие чего данный вариант исключается. Главным занятием З. Фрейда на протяжении долгого времени оставался самоанализ, из которого, в конечном счете, и оформился психоанализ как метод и теория.

Ференци, напротив, не был удовлетворен своим анализом и не был готов мириться с ригидностью сеттинга и ограниченностью исцеления. Вследствие этого его мысль приобрела характер, отличный от фрейдовского, хотя и во многом реактивный по отношению к нему. Отсюда становится возможным выдвинуть гипотезу относительно причин эволюции психоаналитического знания. Эти факторы могут быть связаны либо с неудовлетворенностью личным анализом, приводящей к усиленному самоанализу, либо, напротив, в осуществлении исключительно самоанализа при полном отсутствии личного анализа, как в случае З. Фрейда.

В большинстве современных психоаналитических школ будущему и действующему аналитику предписывается нахождение в долговременном и непрерывном личном анализе, что делает случай фрейдовский случай относительно редким. Однако данный факт не является принципиально значимым: при наличии уже сложившегося психоаналитического знания инновация внутри него, как правило, принимает форму конфликта интерпретаций «желания основателя» и его наследия.

В послевоенный период З. Фрейд сам выступал интерпретатором предшествующей версии собственного желания, и потому его поздняя переработка прежних положений функционально сопоставима с теми инновациями, которые предлагали его младшие коллеги.

Для Ференци исцеление выступает утопией не в смысле принципиальной невыполнимости замысла, а в смысле устойчивой ориентации на желаемое, допускающей работу надежды. Вера утопического характера есть нечто незначительное для повседневности, но, вместе с тем, решающее. Небольшие тексты Ференци, написанные в промежутках между сеансами и иными практиками участия в аналитической работе, нередко воспринимаются как своего рода «полевые записи» или заметки на полях — как примечания к еще не написанному основному тексту. Если масштабные концепции З. Фрейда на своих лекциях сравнивал с древними мифами, то тексты Ш. Ференци можно было бы сравнить с обрывками апокрифических евангелий. Его тексты, как и гностические евангелия, провозглашают известие неочевидной благодности, но дают надежду, пусть и весьма непроясненного характера.

В связи с этим возникает необходимость обратиться к нетривиальным источникам, способным прояснить логику исцеления и те эффекты, которые вызывали у З. Фрейда, с одной стороны, настороженность по отношению к аналитической технике, а с другой — уверенную апологетику, выраженную в попытке очертить пределы анализа в тексте «Анализ конечный и бесконечный». Так, Жозеф Де Местр в своих «Рассуждениях о Франции»²⁰ предполагал, что революция, которую он считал преступным нарушением истинного и вечного порядка, уже необратимо произошла, и потому ее противникам не стоит питать наивных надежд на восстановление прежнего порядка. Возвращение к порядку, предшествовавшего событийному разрыву, столь же абсурдно, как и возвращение Адама в эдемский сад через пятнадцать минут после грехопадения.

Если признание необратимости разрыва не приводит к неугасимому бездейственному отчаянию, то возникает задача изобретения не механики реконструкции, а ответного переустройства. Речь идет не столько об устранении уже наступившего кошмара, но об ответе на него иным ужасом, который по своей радикальности способен перекрыть травматическое действие события, разрушившего согласованность прежнего порядка. Иначе говоря, речь идет о замещении коллапса порядка «порядком коллапса» — такой конфигурацией, из которой

²⁰ Местр Ж. Рассуждения о Франции. — М.: РОССПЭН, 1997. — 215 с. — ISBN 5-86004-076-8.

может возникнуть иной, более благоприятный режим существования.

Применяя эту схему к терапии и ее предельной цели — исцелению, уместно говорить об анти-терапевтической доминанте терапевтического действия в аналитическом процессе. Возникает вопрос: каким образом добавочное, ответное «ужасное» может нейтрализовать исходный «кошмар» — тот, который, положив конец прежнему благоденствию, одновременно сделал различимым и само это «прежнее» (условный «райский сад»)? Не так важно, было ли событие именно таким, каким кажется оно нам сейчас — важно то проблемное поле, которое оно нам открывает. Предшествующее блаженство, разрушенное решающим событием, очевидно, невозможно восстановить, однако можно следовать структуре обреченности, заданной этим событием, и работать с ней как с условием нового порядка.

Произошедшее изменение открывает ряд возможностей, каждая из которых при отдельном рассмотрении может казаться менее предпочтительной по сравнению с другими. Тем не менее иных вариантов, помимо осмысленного обращения с наличными возможностями, не существует ни для одной инстанции. Вследствие этого необходимо допускать возможность преобразования — к нему мы еще вернемся.

Почему проблематизация психоаналитического исцеления у Ференци оказалась для него трагической — и в дальнейшем стала скорее обещанием, чем инструментом для позднейших аналитиков? Ш. Ференци пытался реформировать структуру аналитического сессинга и на основании данной трансформации учредить взаимность между двумя участниками сеанса. Разработанные им формы эмпатического вовлечения — «активная техника», релаксация, неокатарсис, а также наиболее радикальный проект «взаимного анализа» — впоследствии были подвергнуты критике, в том числе и самим Ференци (впрочем, не без влияния коллег).

Оценить результаты исцеления в строгом смысле слова не представляется возможным, поскольку теория выступает репрезентативным измерением аналитической практики. В своем движении мысли Ш. Ференци переходил ко все более ранним методам З. Фрейда и в итоговой статье «Смешение языков взрослого и ребенка. Языки нежности и страсти»²¹ фактически возвращается к предпсихоаналитической проблематике истерии как последствия пережитого в детстве сексуализированного насилия.

²¹ Ференци Ш. Смешение языков взрослого и ребенка. Языки нежности и страсти // Классические психоаналитические труды / К. Абрахам, Э. Гловер, Ш. Ференци. — М.: Когито-Центр, 2009. — 223 с. — ISBN 978-5-89353-265-4.

Будучи фигурой синтетической, Ференци не сумел оформить эту синтетичность в завершенную теоретическую систему, однако отчетливо обозначил что «истины» психоанализа не принадлежат исключительно теории и ее институциям, а в значительной мере укоренены в опыте тех, на кого направлена аналитическая практика.

Ш. Ференци, таким образом, не стремился обнаружить полноценное, завершающее, окончательное исцеление. Его задача состояла в том, чтобы вывести пациента на новый этап: с одной стороны, отказываясь от законченности взгляда терапевтического реализма, оставив его этапом исторического развития психоаналитической теории и практики; с другой — обозначив ступень на пути к исцелению, то есть указав направление, но не фиксируя конечный результат ни своей деятельности, ни психоанализа в целом.

Тем самым Ш. Ференци наметил возможность развития именно этого вектора мышления, который в более радикальной форме реализовал В. Райх. При этом Ференци сохранял профессиональную идентичность аналитика, тогда как Райх на определенном этапе своего интеллектуального пути от нее отказался.

Исцеление и преобразование в психоаналитическом мышлении Райха

В. Райх, в отличие от Ш. Ференци, не занимает промежуточной позиции. Его траекторию можно описать как инверсию классической психоаналитической установки: он радикализирует требование преобразования и тем самым приближается к тому, что в лакановской традиции обозначается как истерическая позиция — позиция субъекта, адресуемого Другому требование изменить порядок вещей. Возникает вопрос: в каком смысле допустимо говорить о Райхе как об «истерике»?

Ранее было показано, что фрейдовский сеттинг устанавливает дистанцию между тем, кто выговаривает свое страдание, и тем, кто его выслушивает. Также был рассмотрен подход Ш. Ференци, чьи попытки подвергнуть эрозии или вовсе радикально изменить фрейдовский сеттинг привели к неясным клиническим результатам, но явно представляли из себя примечательную попытку солидаризации знания со страданием — то есть допустить, что аналитик, фигура «предположительно знающая», может быть затронут тем же самым образом, что и анализант.

С учетом сказанного психоаналитическое знание следует рассматривать генеалогически, вводя различие между психоанализом

как дисциплиной и теми субъективными позициями, которые она исторически производит и легитимирует. В. Райха нельзя назвать истериком в клиническом смысле, поскольку он сохранял способность «любить и работать» с немалым упорством. Однако специфика его участия в психоанализе и в политической жизни строилась на предъявлении требования радикального изменения — требования преобразовать условия, производящие несчастье²². На индивидуальном уровне этому соответствует клиническая работа с частным страданием; на коллективном — проект сексуальной революции как способ преодоления социального подавления.

В свете прочтения мысли Райха через гипотезу принадлежности «истин» психоанализа опыту анализанта становится возможным мыслить истерическое не как патологию. Подобный ход уже был осуществлен Лаканом в Семинаре XVII²³, где истерический дискурс определяется как дискурс, производящий знание. Соответственно, истерическое может быть рассмотрено как легитимный способ участия в определенном сегменте актуальной ситуации — в том числе как способ постановки вопроса о ее противоречиях.

Парадокс оказывается ключевой характеристикой истерического участия. Истерическое — то, что неусыпно противостоит всякой объективации и вместе с тем бессознательно к ней стремится, воспроизводя сцены претерпевания и противоборства. В этом смысле трудно вообразить устойчивую «общность» истерических психоаналитиков: наличие одного — всегда инцидент для сообщества, которое вынуждено обороняться. Истерик переживает истину не как нечто присваиваемое или окончательно установленное, а как не до конца выясненное сообщение, захватывающее его целиком.

Истерическим в данном контексте можно назвать такой вариант психоаналитического проекта, единственной целью которого является окончание психоанализа благодаря устранению той проблемы, из-за которой он появился, — прежде всего исключения и стигматизации определенных групп на основании их «ментальной» специфики. В рамках этой логики предполагается, что психоанализ должен «прекратить существовать посредством самого себя», и что единственной целью психоаналитика может быть окончательное исцеление, которое в горизонте терапевтического реализма представляется утопией.

²² См.: Райх В. Сексуальная революция. — М.: Профит Стайл, 2023. — 324 с. — ISBN 5-98857-358-4.

²³ Лакан Ж. Семинар, Книга XVII: Изнанка психоанализа (1969–1970). — М.: Гнозис; Логос, 2008. — 272 с. — ISBN 5-8163-0037-7.

Закономерным следствием такого упорства становится постепенная разработка всеобъемлющих проектов исцеления. Чем дальше В. Райх заходит в своем проектировании, тем значительнее он отдалится от собственно психоаналитического мышления. Переход от психоанализа к оргонной вегетотерапии, которая занималась уже не психикой, а соматопсихическим единством человека, трудно достоверно реконструировать изнутри психоаналитической оптики.

Теория В. Райха, оформившаяся после формулировки представления об оргонной энергии, имеет невыясненный, хоть и сомнительный потенциал «отреченного знания»: с одной стороны, она претендует на некоторую смысловую соизмеримость с новоевропейской наукой (в терминах объяснения, причинности, универсальности), с другой — вступает с ней в резкое напряжение, доходящее до враждебности²⁴. В. Райх периодически обвинял оппонентов в «мистицизме», но был занят самодельным аналогом натурфилософского мистицизма, когда говорил о пронизанности мира оргонной энергией. Несказанное и неосознанное самим В. Райхом в его обостренных текстах оказывается куда более показательным, нежели их непосредственное декларативное содержание.

Истерическое участие вряд ли может быть полноценно «помещено» в сеттинг. Описанный в «Анализе характера»²⁵ метод не представляет собой радикальной реформы сеттинга, однако он заметно смещает акцент аналитического вмешательства: от определения пределов и условий (что возможно ожидать от лечения) — к задаче преобразования субъекта. В. Райх, будучи сторонником решительно исправления репрессивности современного ему общества и придерживаясь левых политических взглядов, закономерно предполагал появление «нового человека», свободного от невротических защит благодаря справедливому общественному устройству.

В этом контексте следствием прохождения психоанализа должно быть приобретение оргастической потенции. Теория оргазма В. Райха предполагает, что неразделимые телесное и психическое благополучия зависят от способности человека переживать энергетическую разрядку (в терминах Райха — оргонное «разрежение») через переживание оргазма. Оргазм при этом мыслится не как сугубо физиологический, хотя иные способы его претерпевания восходят к физиологии,

²⁴ Райх В. Открытие оргона. Функция оргазма. — М.: Серебряные нити, 2020. — 332 с. — ISBN 978-5891632837.

²⁵ Райх В. Анализ характера. — М.: Апрель Пресс; ЭКСМО-Пресс, 2000. — 528 с. — ISBN 5-04-004421-6.

в особенности религия и творчество. После приобретения оргастической потенции человек оказывается способен сформировать «генитальный характер», который вырабатывается в ходе терапии через преодоление предшествующих характерологических конфигураций (например, ригидной или мазохистической). Это преодоление описывается как «пробитие панциря характера», то есть выявление и разрушение наиболее устойчивых, фундаментальных паттернов поведения с помощью аналитической практики. Психоаналитический акт понимается здесь как акт трансгрессивный, перешагивающий, имеющий значительный элемент принуждения по отношению к той обусловленности, которой человек успел обрасти на протяжении всей жизни. Потому исцеление у В. Райха очень напоминает христианское преображение «ветхого человека» в нового через принятие крещения и последующую духовную жизнь в сообществе.

Изложенная в позднем труде З. Фрейда «Неудобство культуры»²⁶ теория репрессивности всякой морали и неудобства всякой цивилизации очевидно вызвала у В. Райха резкое неприятие. Ответом на несправедливость наличного общественного устройства он считал необходимость сексуальной революции. Она представлялась ему более важной, нежели революция политическая, поскольку пока центрирующая жизнь сексуальность оскорблена буржуазной моралью, создание благожелательной социальной среды оказывается невозможным.

Исцеление, согласно учению В. Райха, носит окончательный характер: оно принципиально достижимо и предполагает наличие конкретного пути. Этот путь, однако, не сводится к индивидуальной терапии как таковой — точнее, не исчерпывается ею. Полное исцеление возможно лишь тогда, когда будет совершена сексуальная революция, когда общественное табу в центральной структуре человеческой психики (сексуальности) будет разрушено. В этой логике исцеление перестает быть исключительно терапевтическим событием: сама терапия приобретает глобальный, культурно-политический масштаб.

Таким образом, В. Райх не мыслит исцеление как сугубо индивидуальный итог: предполагается исцеление каждого, кто в нем заинтересован, при изменении социальных условий. Вместе с тем обскурантистский фанатизм данной мысли производит тревожный эффект: описываемая В. Райхом социальность рискует принять черты своеобразного «концлагеря здоровья».

²⁶ Фрейд З. Неудобство культуры // З. Фрейд. Собр. соч. в 26 т. — Т. 15–16. — СПб.: ВЕИП, 2020. — С. 149–231. — ISBN 978-5-91681-032-5.

Заключение

Сделанные нами замечания носят общий характер и неизбежно страдают от широты собственного охвата. Даже раннему этапу развития фрейдовского понимания исцеления могла бы быть посвящена отдельная развернутая монография. В этом смысле краткое исследование, охватывающее не только идеи З. Фрейда, но и его ближайших сподвижников, — притом без претензии на детальную реконструкцию всей совокупности интеллектуальных и клинических сдвигов, — неизбежно оставляет за пределами рассмотрения ряд существенных моментов.

Тем не менее в ходе работы удалось прояснить некоторые положения, важные для очерчивания контуров развития эпистемологии раннего психоанализа и для понимания того, как в процессе ее становления исходное понятие исцеления приобретает выраженную полиморфичность, частично внутренне противоречивую. Эта противоречивость затрудняет возможность выстроить единую — одновременно клиническую и познавательную — линию, ведущую к предполагаемому «расцвету» психоаналитического проекта. Вместе с тем психоанализ по своей логике достигает успеха посредством отточенного неуспеха, и оттого намеченная нами операция родственна психоанализу по способу постановки и удержания познавательной задачи.

В рамках анализа были выделены три подхода к исцелению истерии. Первый, связанный с Фрейдом, можно охарактеризовать как терапевтический реализм: он признает ограниченность метода и невозможность достижения гарантированного «полного» исцеления. Второй подход, представленный Ш. Ференци, представляется промежуточным. Он предполагает сдвиг к взаимности и эмпатическому вовлечению, то есть к исцелению как устойчивому горизонту надежды. Третий подход, описанный В. Райхом, предполагает культурную — а именно сексуальную, — революцию, которая должна принести собой исцеление для всего общества в целом.

Что можно предложить в качестве суммарного вывода из изложенного выше? Ни один из рассмотренных подходов не может быть признан безусловно спасительным, ведь траектории, провозглашающие спасительность своей целью, не вырабатывают для нее собственных надежных критериев, а терапевтический реализм позднего З. Фрейда лишь узаконивает статус-кво, сложившийся в психоаналитической клинике после окончания Первой мировой войны и воспроизводимый далее.

В этом контексте встает вопрос о том, как следует мыслить дальнейшее движение психоаналитического предприятия. Психоанализ возникает, будучи пронизанным надеждой, типичной для новоевропейской науки, и в дальнейшем ему остается лишь продолжать это движение — усиливая надежду и одновременно неуверенно расходясь по множеству траекторий, в надежде обнаружить в их переплетении возможность исцеления хотя бы для ограниченного круга случаев.

Радикальное предложение В. Райха — идея решительного преобразования человека через раскрытие оргастической потенции — не может быть принято в полном объеме в силу клинической и методологической нереалистичности, однако заслуживает внимания в силу последовательной верности гипотезе исцеления. Намеченный В. Райхом замысел общего, отчасти даже общинного спасения является не инновацией, но радикализацией подспудного намерения всего раннего психоанализа, более обходительного и осторожного, и потому менее прямолинейного в своей вере.

Ранний психоанализ не был ориентирован на создание сообщества, однако его эпистемология создает конфликтное «сообщество» интуиций, создающих коммунитарную оппозицию попыткам индивидуалистического разрешения несчастья-несчастья, причины которого остаются для субъекта нераспознанными. Этот замысел, по большей части представляющий собой одну лишь декларацию надежды, не может быть оставлен без утраты самого смысла психоаналитического предприятия. Именно это, по-видимому, и следует воспринять из учения В. Райха.

От Ш.Ференци, в свою очередь, надлежит унаследовать событийное понимание травмы, которую уместнее мыслить как переменяющую затронутость, требующую дополнительного, внешнего участия. От Фрейда же — принять смелое в своем реализме описание положения дел, при котором надежде придется участвовать в драматургии познания, постоянно рискуя угаснуть и уступить месту смирению перед «пышной» несостоятельностью психоанализа — и как науки, и как клинического предприятия.

Синтетическая точка зрения, наследующая в совокупности всему раннему психоанализу, способна обеспечить мысли психоаналитической — и близким к ней направлениям — своего рода «артиллерийскую оборону» для защиты отдельных точек расцветания, претендующих на спасительность, но неизбежно затронутых несостоятельностью, спрятанной в глубине гибридного и непостоянного начала психоанализа, которая скрыта в глубине гибридного

и непостоянного начала психоанализа и потому может вновь проявляться в формах, пока еще неочевидных.

Библиография

1. Анзье Д. Самоанализ Фрейда. — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2022. — 637 с. — ISBN 978-5731209915.
2. Фрейд З. Психопатология обыденной жизни // Собр. соч. в 26 т. Т. 8. — СПб.: ВЕИП, 2018. — С. 25–345. — ISBN 5-91681-032-5.
3. Фрейд З. Исследование истерии // Собр. соч. в 26 т. — Т. 1. — СПб.: ВЕИП, 2005. — С. 17–365. — ISBN 978-5-91681-010-3.
4. Алейников С. В. Письма Зигмунда Фрейда Вильгельму Флиссу // Проект «Весь Фрейд» [Электронный ресурс]. — URL: https://freudproject.ru/?page_id=8768 (дата обращения: 13.10.2025).
5. Фрейд З. Толкование сновидений // Собр. соч. в 26 т. — Т. 24–25. — СПб.: ВЕИП, 2023. — С. 185–805. — ISBN 978-5-91681-053-0.
6. Фрейд З. Острота и ее отношение к бессознательному // Собр. соч. в 26 т. — Т. 9. — СПб.: ВЕИП, 2018. — С. 13–256. — ISBN 978-5-91681-035-6.
7. Фрейд З. Я и Оно // Собр. соч. в 26 т. — Т. 13–14. — СПб.: ВЕИП, 2020. — С. 255–301. — ISBN 978-5-91681-041-7.
8. Дионисий Ареопагит. О мистическом богословии // Сочинения. Толкования Максима Исповедника. — СПб.: Алетейя; Издательство Олега Абышко, 2002. — С. 737–765. — ISBN 5893295226.
9. Фрейд З. Из истории одного детского невроза // Собр. соч. в 26 т. — Т. 4. — СПб.: ВЕИП, 2007. — С. 97–214. — ISBN 978-5-91681-010-3.
10. Фрейд З. Заметки об одном случае невроза навязчивого состояния // Собр. соч. в 26 т. — Т. 4. — СПб.: ВЕИП, 2007. — С. 17–96. — ISBN 978-5-91681-010-3.
11. Фрейд З. Фрагмент анализа одного случая истерии // Собр. соч. в 26 т. — Т. 5. — СПб.: ВЕИП, 2012. — С. 143–268. — ISBN 978-5-91681-010-3.
12. Фрейд З. Мы и смерть // Неврозы военного времени / З. Фрейд, Ш. Ференци, К. Абрахам и др. — СПб.: Питер, 2024. — С. 99–117. — ISBN 978-5446121182.
13. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Собр. соч. в 26 т. — Т. 13–14. — СПб.: ВЕИП, 2020. — С. 193–255. — ISBN 978-5-91681-041-7.

14. Фрейд З. Анализ конечный и бесконечный // Собр. соч. в 26 т. — Т. 10–11. — СПб.: ВЕИП, 2019. — С. 99–149. — ISBN 978-5-91681-036-3.
15. Марти П. Психоанализ и психосоматика // Французская психоаналитическая школа / А. Жибо, А. В. Россохина (ред.). — СПб.: Питер, 2005. — С. 514–525. — ISBN 5469002926.
16. Ференци Ш. Травма и работа воображения. Избранные статьи. — М.: Канон+, 2023. — 320 с. — ISBN 978-5883737618.
17. Лакан Ж. Семинары. Книга I: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953–1954). — М.: Гнозис; Логос, 1998. — 432 с. — ISBN 5733304774.
18. Местр Ж. Рассуждения о Франции. — М.: РОССПЭН, 1997. — 215 с. — ISBN 5860040768.
19. Ференци Ш. Путаница языков взрослого и ребенка. Языки нежности и страсти // Классические психоаналитические труды / К. Абрахам, Э. Гловер, Ш. Ференци. — М.: Когито-Центр, 2009. — С. 199–210. — ISBN 978-5893532654.
20. Райх В. Сексуальная революция. — М.: Профит Стайл, 2023. — 324 с. — ISBN 5988573584.
21. Лакан Ж. Семинары. Книга XVII: Изнанка психоанализа (1969–1970). — М.: Гнозис; Логос, 2008. — 272 с. — ISBN 5816300377.
22. Райх В. Открытие оргона. Функция оргазма. — М.: Серебряные нити, 2020. — 332 с. — ISBN 978-5891632837.
23. Райх В. Анализ характера. — М.: Апрель Пресс; ЭКСМО-Пресс, 2000. — 528 с. — ISBN 5040044216.
24. Фрейд З. Неудобство культуры // Собр. соч. в 26 т. — Т. 15–16. — СПб.: ВЕИП, 2020. — С. 149–231. — ISBN 978-5-91681-041-7.

Concepts of Healing in Early Psychoanalysis

Platon Mikhailovich Lesukhin — student-bachelor, Faculty of Philosophy, Russian State University For The Humanities; Moscow, Russia. E-mail: lesuhinplaton543@gmail.com

ORCID: 0009-0003-3679-0104

Keywords: early psychoanalysis, history of psychoanalysis, psychoanalytic clinic, hysteria, Sándor Ferenczi, Wilhelm Reich

This article examines the concepts of healing in the works of three psychoanalysts of different theoretical orientations — Sigmund Freud's, Sándor Ferenczi's and Wilhelm Reich's, — who address the question of healing primarily in terms of resolving clinical difficulties. The key question of the article: what does psychoanalysis accomplish in relation to the suffering, the patient himself can do nothing about? It substantiates why this question should be considered decisive, preceding psychoanalysis and continuing to exist apart of it. For comparative analysis, the general landscape of Freud's early thought prior to and at the inception of psychoanalysis is provided, where healing is served as a springboard for the establishment of psychoanalytic theory. The second and third chapters are devoted to Freud's later reflections on the therapeutic potential of psychoanalysis and his conflict with his colleague, analyst, and student, Sándor Ferenczi. The Ferenczi's position is described through the concept of «psychoanalytic soteriology», prompted by the limit of clinical results and dissatisfaction with the Freud's «therapeutic realism» in his post-war works. To resolve this epistemological issue, the works of Reich, presented as a psychoanalyst and activist who resolves the conflict between Freud and Ferenczi, but with the consideration of the challenges of his epistemological, clinical, and political experiments. Analysis uncovers the underlying polemic that determines the contemporary engagement with psychoanalytic epistemology in the context of therapeutic culture's development and a heightened discontent with suffering.

References

1. Anzieu D. Samoanaliz Frejda [Freud's Self-Analysis]. — Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovanii, 2022. — 637 p. — ISBN 978-5731209915. (In Russian)
2. Freud S. Psihopatologija obydennoj zhizni [The Psychopathology of Everyday Life] // S. Freud. Sobranie sochinenij v 26 tomah. — Tom 8 [Collected works in 26 vol. Vol. 8]. — St. Petersburg: VEIP, 2018. — Pp. 25–345. — ISBN 5-91681-032-5. (In Russian)
3. Freud S. Issledovanie isterii [Studies on Hysteria] // Sobranie sochinenij v 26 tomah. — Tom 1 [Collected works in 26 vol. Vol. 1]. — St. Petersburg: VEIP, 2005. — Pp. 17–365. — ISBN 978-5-91681-010-3. (In Russian)
4. Alejnikov S. V. Pis'ma Zigmunda Frejda — Vil'gel'mu Flissu [Letters of Sigmund Freud to Wilhelm Fliess] // Proekt «Ves' Frejd» [Electronic resource]. — URL: https://freudproject.ru/?page_id=8768 (accessed: 13.10.2025). (In Russian)
5. Freud S. Tolkovanie snovidenij [The Interpretation of Dreams] // Sobranie sochinenij v 26 tomah. — Tom 24–25 [Collected works in 26 vol. Vol. 24–25]. — St. Petersburg: VEIP, 2023. — Pp. 185–805. — ISBN 978-5-91681-053-0. (In Russian)
6. Freud S. Ostrota i ee otnoshenie k bessoznatel'nomu [Jokes and Their Relation to the Unconscious] // Sobranie sochinenij v 26 tomah. — Tom 9 [Collected works in 26 vol. Vol. 9]. — St. Petersburg: VEIP, 2018. — Pp. 13–256. — ISBN 978-5-91681-035-6. (In Russian)
7. Freud S. Ja i Ono [The Ego and the Id] // Sobranie sochinenij v 26 tomah. — Tom 13–14 [Collected works in 26 vol. Vol. 13–14] — St. Petersburg: VEIP, 2020. — Pp. 255–301. — ISBN 978-5-91681-041-7. (In Russian)
8. Dionysius the Areopagite. O misticheskom bogoslovii [On mystical Theology] // Sochinenija. Tolkovanija Maksima Ispovednika. [Works. Commentaries by Maximus the Confessor]. — St. Petersburg: Aletejja; Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2002.— Pp. 737–765. — ISBN 5893295226. (In Russian)
9. Freud S. Iz istorii odnogo infantil'nogo nevroza [From the History of an Infantile Neurosis] // Sobranie sochinenij v 26 tomah. — Tom 4 [Collected works in 26 vol. Vol. 4]. — St. Petersburg: VEIP, 2007. — Pp. 97–214. — ISBN 978-5-91681-010-3 (In Russian)
10. Freud S. Zametki ob odnom sluchae nevroza navjazchivogo sostojanija [Notes upon a Case of Obsessional Neurosis] // Sobranie

sochinenij v 26 tomah. — Tom 4 [Collected works in 26 vol. Vol. 4]. — St. Petersburg: VEIP, 2007. — Pp. 17–96. — ISBN 978-5-91681-010-3. (In Russian)

11. Freud S. Fragment analiza odnogo sluchaja isterii [Fragment of an Analysis of a Case of Hysteria] // Sobranie sochinenij v 26 tomah. — Tom 5 [Collected works in 26 vol. Vol. 5]. — St. Petersburg: VEIP, 2012. — Pp. 143–268. — ISBN 978-5-91681-010-3. (In Russian)

12. Freud S. My i smert' [Thoughts for the Times on War and Death] // Nevrozy voennogo vremeni [War Neuroses] / S. Freud, S. Ferenczi, K. Abraham. — St. Petersburg: Piter, 2024. — Pp. 99–117. — ISBN 978-5446121182. (In Russian)

13. Freud S. Po tu storonu principa udovol'stvija [Beyond the Pleasure Principle] // Sobranie sochinenij v 26 tomah. — Tom 13–14 [Collected works in 26 vol. Vol. 13–14]. — St. Petersburg: VEIP, 2020. — Pp. 193–255. — ISBN 978-5-91681-041-7. (In Russian)

14. Freud S. Analiz konechnyj i beskonechnyj [Analysis Terminable and Interminable] // Sobranie sochinenij v 26 tomah. — Tom 10–11 [Collected works in 26 vol. Vol. 10–11] — St. Petersburg: VEIP, 2019. — Pp. 99–149. — ISBN 978-5-91681-036-3. (In Russian)

15. Marty P., Psihoanaliz i psihosomatika [Psychoanalysis and psychosomatics] // Francuzskaja psihoanaliticheseskaja shkola [French psychoanalytic school] / A. Zhibo, A.V. Rossohin (eds.). — St. Petersburg: Piter, 2005. — Pp. 514–525. — ISBN 5469002926. (In Russian)

16. Ferenczi S. Travma i rabota voobrazhenija. Izbrannye stat'i [Trauma and the work of the imagination. Selected Papers]. — Moscow: Kanon+, 2023. — 320 p. — ISBN 978-5883737618. (In Russian)

17. Lacan J. Seminary. Kniga I. Raboty Frejda po tehnike psihoanaliza (1953–1954). [The Seminar. Book I. Freud's papers on the technique of psychoanalysis (1953–1954)]. — Moscow: Gnozis; Logos, 1998. — 432 p. — ISBN 5733304774. (In Russian)

18. Maistre J. de. Rassuzhdenija o Francii [Considerations on France]. — Moscow: ROSSPEN, 1997. — 215 p. — ISBN 5860040768. (In Russian)

19. Ferenczi S. Putanitsa jazykov vzroslogo i rebenka. Jazyki nezhnosti i strasti [Confusion of Tongues Between Adults and the Child. The Language of Tenderness and of Passion] // Klassicheskie psihoanaliticheskie trudy [Classical Psychoanalytic Works] / K. Abraham, J. Glover, S. Ferenczi. — Moscow: Kogito–Centr, 2009. — Pp. 199–210. — ISBN 978-5893532654. (In Russian)

20. Reich W. Seksual'naja revoljucija. [The Sexual Revolution]. — Moscow: Profit Stajl, 2023. — 324 p. — ISBN 5-988573584. (In Russian)

21. Lacan J. Seminar. Book XVII: Iznanka psikhoanaliza (1969–1970) [The Other Side of Psychoanalysis]. — Moscow: Gnosis; Logos, 2008. — 272 p. — ISBN 5-8163-0037-7. (In Russian)

22. Reich W. Otkrytie Orgona. Funkcija orgazma [The Discovery of the Orgone. The Function of the Orgasm]. — Moscow: Serebrjanye niti, 2020. — 332 p. — ISBN 978-5891632837. (In Russian)

23. Reich W. Analiz haraktera [Character Analysis]. — Moscow: Aprel' Press, EKSMO-Press, 2000. — 528 p. — ISBN 5040044216. (In Russian)

24. Freud S. Neudobstvo kul'tury [Civilization and Its Discontents] // Sobranie sochinenij v 26 tomah. — Tom 15–16 [Collected works in 26 vol. Vol. 15–16]. — St. Petersburg: VEIP, 2020. — Pp. 149–231. — ISBN 978-5-91681-041-7. (In Russian)